

АНТИМОНОПОЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦИФРОВЫХ КОМПАНИЙ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНТЕРНЕТ-ПЛАТФОРМ В РОССИИ И ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

В.Г. Истомин

*Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук,
г. Екатеринбург, Россия*

Информация о статье

Дата поступления –

27 января 2021 г.

Дата принятия в печать –

11 апреля 2022 г.

Дата онлайн-размещения –

20 июня 2022 г.

Ключевые слова

Цифровая платформа,
информационная технология,
компания – агрегатор,
информационное
посредничество,
интеллектуальные права,
антимонопольные иммунитеты

Исследуется антимонопольное регулирование отношений, возникающих в процессе деятельности компаний, обеспечивающих работу цифровых платформ. Отмечается, что цифровая платформа представляет собой комплексное явление, включающее в себя различные результаты интеллектуальной деятельности, как подлежащие, так и не подлежащие правовой охране. Также обосновывается, что имеющиеся в российском антимонопольном законодательстве изъятия из сферы действия норм о запрете монополистической деятельности, установленные для обладателей исключительных прав, выступают в качестве препятствий к применению антимонопольных норм в отношении цифровых компаний, являющихся правообладателями результатов интеллектуальной деятельности. Подобные антимонопольные иммунитеты оцениваются как подлежащие ограничению.

ANTIMONOPOLY REGULATION OF THE ACTIVITIES OF DIGITAL COMPANIES AND THE OPERATION OF INTERNET PLATFORMS IN RUSSIA AND IN THE EUROPEAN UNION

Valery G. Istomin

*Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia*

Article info

Received –

2021 January 27

Accepted –

2022 April 11

Available online –

2022 June 20

Keywords

Digital platform, information
technology, aggregator company,
information mediation,
intellectual property rights,
antitrust immunities

The subject. The article examines the antimonopoly regulation of relations arising in the course of the activities of modern companies that ensure the operation of certain digital online platforms. The development of digital information technologies has led to the emergence of various new forms of economic and social communications. These forms include, among other things, digital technological platforms operating on the Internet and representing a kind of platform within which information interaction of various subjects takes place, related to the implementation of their professional activities or interpersonal communication. In this regard, the law faces the task of ensuring effective regulation of relations that are formed in the context of the development of electronic market systems and digital services. An important role in this should be assigned to antimonopoly legislation, since the possession of large data sets and the latest information technologies can lead to companies trying to use their resources to violate the rights of other subjects.

The aim of the study is to determine the legal essence of the Internet platform and to identify possible features and limits of antimonopoly regulation of the activities of companies that ensure their work, including taking into account the current Russian and foreign legislation and law enforcement practice in this area.

Research methods are formal – logical interpretation, systemic method and comparative analysis.

The main results, scope of application. Digital technological platform is a complex phenomenon that includes various results of intellectual activity, both subject to and not subject to legal protection, including computer programs, databases, as well as technical means, ensuring the functioning of the digital platform. In addition, the analysis of Russian antitrust

legislation and the theory of civil law led to the conclusion that the existing exemptions from the scope of the rules on the prohibition of monopolistic activities established for holders of exclusive intellectual rights could significantly complicate the application of antitrust rules to digital companies that are copyright holders results of intellectual activity that are part of the Internet platform. At the same time, the currently established law enforcement practice actually follows the path of limiting these antimonopoly immunities, despite their legislative consolidation, which is hardly justified. On the other hand, the existence of broad antitrust immunities is also unfounded. In order to bring the antimonopoly legislation in line with the needs of the emerging digitalization relations antitrust immunities are subject to limitations.

Conclusions. There are new criteria for determining the dominant position of digital companies in the relevant markets, which include network effects, large user data and significant barriers to entry into the market.

1. Ведение

В современных условиях информационные технологии начинают играть всё большую роль в экономической и социальной жизни общества. Развитие информационно-телекоммуникационных сетей и электронных средств передачи данных способствует трансформации в цифровую форму различных общественных отношений, складывающихся как в процессе осуществления предпринимательской деятельности, так и в повседневной жизни. На рынок выходят электронные торговые площадки и сервисы, создается искусственный интеллект, формируются крупные цифровые платформы, объединяющие массивы различных данных. Цифровые технологии активно проникают и в финансовую сферу [1]. В известном смысле концепция цифровой экономики даже «поглощает» государственное управление: это означает, что управление начинает строиться по единым с частным сектором канонам [2, с. 20]. Активная цифровизация экономических отношений привела к возникновению понятия экономики платформ, или экономики совместного использования, которая характеризуется отсутствием иерархии в ее организации: принятие решений является коллективным [3, с. 5]. В этой связи перед правом возникает задача обеспечить эффективное и сбалансированное регулирование формирующихся в обществе цифровых взаимосвязей, в том числе путем закрепления в праве различных понятий, категорий, необходимых для формирования правоотношений в электронной форме, таких, например, как большие данные, искусственный интеллект, система распределенного реестра, технологии виртуальной и дополненной реальности и т. д. При этом в отраслевом аспекте набор подобных категорий будет различаться и обуславливаться секторальными особенностями. Среди различных групп норм, регулирую-

щих отношения в сфере цифровизации, важная роль принадлежит антимонопольному законодательству, поскольку возникающие в настоящее время высокотехнологичные рынки имеют склонность к монополизации. Анализ их динамики позволил сделать вывод, что основной причиной развития монополии в цифровом рыночном пространстве является стремительное формирование товаров и рынков, при этом монополии и высокая степень концентрации капиталов – это то состояние, которое присуще современной цифровой экономике [4, с. 27–28]. В таких условиях антимонопольным органам придется активно анализировать коллективные (групповые) модели поведения, бизнес-стратегии, сетевые эффекты, ценовые алгоритмы, роботизацию бизнес-процессов на предмет наличия или отсутствия антиконкурентного эффекта [5, с. 264]. Подобное положение дел должно быть учтено при формировании программы дальнейшего развития антимонопольного законодательства.

Следует отметить, что цифровизация общественных отношений способствует тому, что зарубежная и российская юридическая наука и правоприменительная практика сталкиваются как с новыми формами проявления традиционных нарушений антимонопольного законодательства, в частности монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции, так и с такими действиями, которые ранее не совершались и антиконкурентный эффект которых становится очевиден именно в настоящее время. Спецификой монополистической деятельности на современном этапе выступает использование субъектами своего доминирующего положения, связанного с обладанием массивами больших данных, различными информационными технологиями, позволяющими формировать те или иные информационные системы, в частности цифровые

платформы, а также обладание исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности, необходимые для обеспечения работы данных информационных систем и существования виртуальных рынков. Новым явлением общественной жизни выступают цифровые технологические (онлайн) платформы (*digital platforms*), представляющие собой комплекс технологических решений в цифровом пространстве сети «Интернет» на основе сочетания программных алгоритмов (компьютерных кодов), компьютерного технологического оборудования, «облачных» вычислений, больших баз данных, а также других цифровых технологий (блокчейн-технологии, аналитика данных, искусственный интеллект и т. д.) [6, с. 25].

Цифровые платформы представляют собой своего рода типовую организационную макроединицу в современной цифровой среде, в рамках которой образуется особый режим взаимодействия — экосистема, претендующая на самостоятельный правовой статус и, соответственно, режим правового регулирования [7, с. 37–38]. В настоящее время в юридической литературе появляются исследования, характеризующие различные аспекты работы цифровых компаний, связанные с использованием интернет-платформ, в том числе и в отдельных областях экономики и социальной жизни [8–11].

Вместе с тем представляется, что деятельность компаний, обеспечивающих функционирование цифровых технологических платформ, особенно применительно к сфере антимонопольного регулирования, продолжает оставаться актуальным предметом научного исследования в силу недостаточной изученности. Одними из проблемных вопросов функционирования подобных платформ являются отсутствие прозрачности в отношении использования их операторами генерируемой платформой информации, вопросы владения данными, их использования и доступа к ним, что влияет на обеспечение надлежащих и сбалансированных договорных отношений между поставщиками услуг и бизнес-пользователями, а также на соблюдение прав пользователей [12, с. 42]. Это обуславливает необходимость характеристики такой категории, как «цифровая платформа», или «технологическая платформа», а также анализа возможности применения антимонополь-

ного законодательства по отношению к современным цифровым компаниям, выступающим в качестве операторов таких платформ.

2. Современная европейская и российская практика применения антимонопольного законодательства по отношению к компаниям, обеспечивающим работу цифровых платформ

К числу цифровых платформ в настоящее время можно отнести поисково-информационные системы (*Google, Yandex*), площадки электронной торговли (*AliExpress, TMall, Europages*), социальные сети (*Facebook, Instagram*¹), мессенджеры (*WhatsApp, Snapchat*), платежно-расчетные сервисы (*Alibaba, PayPal*) и мн. др. Некоторые авторы предлагают выделять транзакционные, инновационные, интегрированные и инвестиционные платформы [7, с. 38]. Основным направлением их деятельности, как правило, является электронное посредничество между различными категориями субъектов, в том числе продавцами и покупателями, пользователями социальных сетей, исполнителями и потребителями услуг. При этом крупные цифровые компании, организующие работу соответствующих интернет-платформ, за счет обладания современными технологиями и компьютерными программами, аккумулирования больших пользовательских данных имеют серьезные предпосылки для увеличения своего влияния в различных сферах социальной жизни, а также занятия доминирующего положения на том или ином виртуальном рынке.

Одним из примеров подобной монополизации выступает поведение компаний, обеспечивающих функционирование социальных сетей и видеохостингов. Так, предметом антимонопольного контроля в ряде иностранных государств являлась деятельность таких известных социальных сетей, как *Facebook, LinkedIn*², *WhatsApp* и *Instagram*. Изучение функционирования цифровых компаний, обеспечивающих работу соответствующих ресурсов, позволило специалистам сделать вывод, что такие компании, выступая сильной стороной во взаимоотношениях с пользователями, могут злоупотреблять своим положением при определении в пользовательском соглашении условий доступа к сети и использования персональных данных пользователей.

¹ Деятельность социальных сетей *Instagram* и *Facebook*, принадлежащих *Meta Platforms Inc.*, признана в России экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

² Заблокирована на территории Российской Федерации за нарушение установленных российским законодательством условий хранения персональных данных российских пользователей.

Навязывание невыгодных договорных условий сбора и обработки персональных данных обусловлено утилитарной целью – стремлением накопить большие массивы данных о пользователях, что дает огромное конкурентное преимущество и в конечном итоге усиливает рыночную власть социальной сети [13, с. 40–44, 77–81]. Это выражается в том, что за счет использования полученной информации социальная сеть может увеличить число пользователей, что вызывает так называемые сетевые эффекты, т. е. повышение привлекательности данной социальной сети и еще большее увеличение числа ее участников, а также рекламодателей, и вынуждает к уходу с рынка имеющихся конкурентов.

Прецедентным в этом отношении стало принятое в 2019 г. решение Федерального офиса по картелям Германии (*Bundeskartellamt*) в отношении американской социальной сети *Facebook*, занимающей, по оценкам ведомства, порядка 90 % национального рынка социальных сетей. В качестве антиконкурентного поведения цифровой компании было вменено установление несправедливых условий договоров с пользователями и сбор данных пользователей от дочерних компаний *Facebook*, таких как *WhatsApp* и *Instagram*, а также третьих лиц и дальнейшее использование таких данных. При этом сбор данных производился, в том числе, без ведома и согласия пользователей [14, с. 76–77].

Рыночную власть особенно трудно оценить, когда фирмы предлагают потребителям бесплатные сервисы в обмен на данные. Однако бесплатное предложение может быть элементом стратегии максимизации прибыли для привлечения чувствительных к цене потребителей и затем обретения рыночной власти над другими группами участников. Рыночная власть также может быть реализована посредством неценовых аспектов конкуренции (фирмы предлагают продукцию или услуги ухудшенного качества, навязывают большие объемы рекламы или даже собирают, анализируют или продают избыточные данные о потребителях) [15, с. 231]. В связи с этим серьезное внимание антимонопольных органов в настоящее время стали вызывать сделки по слиянию социальных сетей, а также различных информационных ресурсов, представляющие собой стратегию наращивания рыночной власти за счет аккумуляции больших пользовательских данных. В частности, антимонопольными органами Европы и США в разное время были проанализированы сделки по слиянию таких социальных сетей, как *Facebook* и *Instagram*, *Facebook* и *WhatsApp*,

а также приобретение корпорацией *Microsoft* профессиональной социальной сети *LinkedIn*. И если первые две сделки не вызвали каких-либо претензий со стороны антимонопольных органов, то при согласовании в 2016 г. сделки между *Microsoft* и *LinkedIn* Еврокомиссией были сформулированы некоторые условия, связанные с необходимостью обеспечения конкуренции на соответствующем рынке. В частности, компаниям было предписано обеспечить возможность производителей компьютеров и мобильных устройств не предустанавливать приложение *LinkedIn* на устройства с операционной системой *Windows* и не создавать препятствий для доступа конкурирующих профессиональных социальных сетей к семейству продуктов *Microsoft Office*, а также к мобильным приложениям *Microsoft Office* [14, с. 81–84].

Имеют место и другие формы антиконкурентного поведения со стороны цифровых компаний. Так, Европейской комиссией несколько раз была оштрафована компания *Google*. Суммы штрафов исчислялись миллиардами евро. Среди прочего компания была обвинена в злоупотреблении доминирующим положением на рынке поисковых интернет-систем путем неправомерного предоставления преимуществ собственному сервису продаж *Google Shopping* за счет искажения результатов поиска различных товаров по запросам потребителей. Было установлено, что предложения основного конкурента *Google Shopping* выдавались в среднем на четвертой странице поиска, предложения остальных конкурентов – и того дальше, что создавало для компании необоснованные конкурентные преимущества. В другом деле немецкий антимонопольный орган сделал вывод, что компания, занимающая доминирующее положение на рынке сервисов предоставления услуг бронирования средств размещения и обладающая известной цифровой платформой *Booking.com*, ограничивает конкуренцию путем запрета отелям предлагать услуги дешевле на других онлайн-сервисах бронирования, а также отображать более низкие цены на своих собственных веб-сайтах. Высшая судебная инстанция ФРГ в дальнейшем частично поддержала указанную позицию, отметив, что нарушением является только запрет на размещение более дешевых предложений на иных сервисах бронирования [16, с. 161].

В России антимонопольной службе также приходится анализировать различные действия крупных компаний, обладающих цифровыми платформами со значительными информационными ресур-

сами, в том числе сделки по их слиянию. Например, в ходе рассмотрения ходатайства о даче согласия на заключение соглашения о совместной деятельности путем слияния активов компаний «Яндекс» и *Uber* антимонопольный орган столкнулся с необходимостью оценки влияния крупных цифровых платформ агрегаторов на состояние конкуренции на рынке предоставления услуг информационного взаимодействия водителей такси и пассажиров. В результате ходатайство на совершение сделки было одобрено и согласие антимонопольного органа компании получили, однако в выданном вместе с положительным решением предписании компании были обязаны обеспечить возможность максимально информативного получения пассажиром сведений о поездке в интерфейсе мобильного приложения, с помощью которого пользователь осуществляет размещение заказа на перевозку такси. Прежде всего речь идет о различных характеристиках предоставляемой услуги, в том числе данных о водителе и наименовании партнера-перевозчика. Кроме того, организации обязали не устанавливать запреты для водителей и пассажиров в использовании мобильных приложений других компаний, осуществляющих услуги информационного взаимодействия водителей такси и пассажиров³. Согласно мнению, высказанному представителями Федеральной антимонопольной службы РФ, если эффект от объединения платформ не будет приводить к тому, что объединенный агрегатор будет в состоянии определять условия предоставления услуг перевозки на релевантном рынке, то это не может быть расценено в качестве основания для признания наличия координации экономической деятельности либо картельного сговора [17, с. 9]. Напротив, при рассмотрении схожего ходатайства о согласовании сделки по приобретению компанией «Яндекс» такси-сервиса «Везет» антимонопольный орган установил, что совершение сделки приведет к усилению концентрации рынка услуг по оказанию информационного взаимодействия пассажиров и водителей такси (рынок агрегаторов такси), к сужению возможности выбора водителей такси и пассажиров и, соответственно, последствия сделки могут негативно отразиться на конкуренции на соответствующем рынке. В результате

Федеральная антимонопольная служба РФ отказала компании «Яндекс» в удовлетворении ходатайства⁴.

В связи с изложенным следует отметить, что в современных условиях всё явственнее просматриваются такие критерии наличия рыночной власти цифровой компании, как обладание большими пользовательскими данными, наличие значительных барьеров входа на соответствующий рынок, зависимость коммерческой привлекательности бизнес-пользователей от возможности доступа к соответствующей интернет-платформе в силу так называемого эффекта масштаба, или сетевого эффекта. На эти аспекты необходимо обращать внимание антимонопольному органу в контексте оценки поведения компании на предмет соблюдения антимонопольного законодательства.

3. Определение цифровой технологической платформы в праве Европейского Союза и России

Для целей дальнейшего анализа антимонопольного регулирования деятельности операторов онлайн-платформ необходимо дать юридическую характеристику таких платформ. Несмотря на высказываемое мнение о недостаточной определенности самого термина «платформа» для характеристики дистанционного электронного взаимодействия субъектов или процессов консолидации каких-то ресурсов, знаний, навыков, информации и компетенций [18], это необходимо сделать, поскольку категория «цифровая платформа», или «онлайн-платформа», а также ряд аналогичных им терминов прочно вошли в современный экономический и нормативный лексикон. Так, немецким антимонопольным ведомством было предложено определение, согласно которому под платформами понимаются все интернет-компании, предоставляющие «посреднические услуги, позволяющие осуществлять прямое взаимодействие между двумя или более разными группами пользователей, которые связаны косвенными сетевыми эффектами» [3, с. 7].

В документах Европейской комиссии онлайн-платформы характеризуются как программные средства, предлагающие двусторонние или даже многосторонние рынки, на которых могут встречаться поставщики и пользователи контента, товаров и услуг⁵. Отмечается способность технологических платформ

³ Предписание Федеральной антимонопольной службы от 24 ноября 2017 № АГ/82030/17. URL: <https://fas.gov.ru/documents/ag-82030-17> (дата обращения: 21.01.2021).

⁴ ФАС России отказала Яндексу в приобретении агрегаторов такси группы «Везет». URL: <https://fas.gov.ru/news/29967> (дата обращения: 21.01.2021).

⁵ Commission Staff Working Document Online Platforms, accompanying the document «Communication on Online

создавать и формировать новые рынки, бросая вызов традиционным, а также организовывать новые формы участия или ведения бизнеса, извлекать выгоду из «сетевых эффектов», использовать информационные и коммуникационные технологии для мгновенного и легкого доступа к своим пользователям⁶. Деятельность онлайн-платформ рассматривается Евросоюзом прежде всего в контексте оказания посреднических информационных услуг и регулируется различными нормативными документами, в том числе Директивой Европейского парламента и Совета Европейского Союза 2000/31/ЕС от 8 июня 2000 г. об электронной коммерции. При этом данная директива различает информационные услуги, заключающиеся в передаче предоставленной информационному посреднику (поставщику информационной услуги) информации третьим лицам или в простом обеспечении доступа к ней таких лиц, а также кэширование (передачу и кратковременное хранение передаваемой информации) и хостинг (хранение информации, предоставленной получателями услуг), определяя при этом основания, при наличии которых информационный посредник не должен нести ответственности за содержание передаваемого либо хранимого информационного контента. Общим правилом здесь является то, что освобождение от ответственности поставщиков информационных услуг распространяется лишь на ситуации, когда их деятельность ограничена техническим операционным процессом, носит автоматический и пассивный характер, который подразумевает, что поставщик информационной услуги не может контролировать информацию, которая передается или сохраняется. Напротив, если поставщик информационной услуги целенаправленно изменяет информацию, которую он передает, или же если получатель услуг действует под влиянием или контролем информационного посредника, установленные ограничения ответственности, связанные с передаваемой информацией, не применяются.

В целях повышения прозрачности коммерческих отношений между бизнес-пользователями и провайдером сервисов электронной коммерции, а также между пользователями корпоративных веб-

сайтов и онлайн-поисковыми системами был принят Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2019/1150 от 20 июня 2019 г. о повышении справедливости и прозрачности для бизнес-пользователей сервисов электронной коммерции. Данный регламент устанавливает требования к предоставлению сведений об условиях осуществления деятельности информационными посредниками, оказывающими услуги сервисов электронной коммерции, а также правила доступа к персональным данным бизнес-пользователей и потребителей, предоставляемым для использования указанных сервисов.

Что касается российского законодательства, то в соответствии с п. 2 Постановления Правительства РФ от 30 апреля 2019 г. № 529 «Об утверждении правил предоставления субсидий российским организациям на возмещение части затрат на разработку цифровых платформ и программных продуктов в целях создания и (или) развития производства высокотехнологичной промышленной продукции» под цифровой платформой понимается совокупность информационных технологий и технических средств, обеспечивающих взаимодействие субъектов хозяйственной деятельности в сфере промышленности. Вместе с тем анализ деятельности компаний – агрегаторов, организующих работу цифровых платформ, позволяет сделать вывод, что более точно, с содержательной точки зрения, цифровая технологическая платформа определена в ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», где ей соответствует понятие информационной системы, под которой понимается совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств. В свою очередь, информационные технологии ст. 2 указанного закона определяет как процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов. Несколько иное понятие технологии содержится в п. 1 ст. 1542 Гражданского кодекса (далее – ГК) РФ, в соответствии с которым единой

Platforms and the Digital Single Market», May 25, 2016. URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/commission-staff-working-document-online-platforms> (дата обращения: 21.01.2021).

⁶ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European economic and social com-

mittee and the Committee of the regions «Online Platforms and the Digital Single Market Opportunities and Challenges for Europe», May 25, 2016. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52016DC0288> (дата обращения: 21.01.2021).

технологией признаётся выраженный в объективной форме результат научно-технической деятельности, который включает в том или ином сочетании объекты промышленной собственности, программы для ЭВМ или другие результаты интеллектуальной деятельности, подлежащие правовой охране, и может служить технологической основой определенной практической деятельности в гражданской или военной сфере. При этом в состав единой технологии могут входить также результаты интеллектуальной деятельности, не подлежащие правовой охране, в том числе технические данные, другая информация.

В юридической литературе под информационной технологией также понимается как самостоятельный охраняемый либо неохранный результат интеллектуальной деятельности, так и сложный объект *sui generis*, включающий как охраняемые, так и неохранные результаты интеллектуальной деятельности [19, с. 89]. Согласно Закону РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» под владельцем агрегатора информации о товарах понимается организация либо индивидуальный предприниматель, которые являются владельцами программы для электронных вычислительных машин и (или) владельцами сайта и (или) страницы сайта в сети «Интернет» и которые предоставляют потребителю в отношении определенного товара возможность одновременно ознакомиться с предложением продавца о заключении договора купли-продажи товара, заключить соответствующий договор, а также произвести предварительную оплату товара путем наличных расчетов либо перевода денежных средств владельцу агрегатора.

Таким образом, анализ российского законодательства и положений научной доктрины дает основание рассматривать цифровую электронную платформу прежде всего как сложное, комплексное явление, включающее в себя различные результаты интеллектуальной деятельности, как подлежащие, так и не подлежащие правовой охране, в том числе программы для ЭВМ, базы данных, сайты в сети «Интернет», доменные имена, техническую информацию, а также технические средства, обеспечивающие функционирование электронной платформы.

4. Антимонопольные иммунитеты как возможная проблема применения российского законодательства о защите конкуренции к деятельности цифровых компаний

Применение антимонопольного законодательства по отношению к компаниям, обеспечивающим функционирование цифровых платформ, является

достаточно важным и актуальным вопросом современной российской практики. Определенные проблемы в этой связи вызывает наличие так называемых антимонопольных иммунитетов, т. е. изъятий из сферы антимонопольного регулирования, предусмотренных для обладателей исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации. В частности, согласно ч. 4 ст. 10 и ч. 9 ст. 11 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее – Федеральный закон «О защите конкуренции») требования соответствующих статей, касающиеся запрета злоупотребления доминирующим положением и заключения антиконкурентных соглашений, не распространяются на действия либо соглашения, связанные с осуществлением либо распоряжением исключительными интеллектуальными правами на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридического лица, средства индивидуализации продукции, работ или услуг. Подобные действия и соглашения изъят из области применения норм о запрете монополистической деятельности (см. также: [20]). Наличие в законодательстве таких норм объясняется защитой интересов правообладателей.

Между тем вопрос о необходимости и пределах действия антимонопольных иммунитетов в российской литературе уже в течение нескольких лет относится к разряду дискуссионных. Критике подвергаются как предложения об отмене, так и о дальнейшем сохранении норм ч. 4 ст. 10 и ч. 9 ст. 11 Федерального закона «О защите конкуренции», а также сама действующая редакция указанных норм [21–23]. Однако представляется, что существование таких широких иммунитетов теоретически могло бы существенно затруднить применение запретов на осуществление монополистической деятельности по отношению к компаниям, обеспечивающим работу цифровых платформ. Так, если цифровая компания является правообладателем охраняемых результатов интеллектуальной деятельности, входящих в состав информационной технологии как основы функционирования цифровой платформы, то действия, связанные с обеспечением доступа потребителей или субъектов предпринимательской деятельности к содержащейся в базе данных такой платформы информации либо предоставление возможности пользоваться программными ресурсами соответствующей платформы, в том числе и на основании лицензионных соглашений, можно рассматривать соответ-

ственно как действия по осуществлению интеллектуальных прав либо распоряжение компанией исключительными правами на определенные результаты интеллектуальной деятельности (программу для ЭВМ, сайт в сети «Интернет», базу данных и т. п.). В этой связи действия антимонопольных органов, направленные на предотвращение и пресечение монополистической деятельности со стороны компаний-агрегаторов, могут зачастую противоречить установленным законодательством ограничениям применения антимонопольных норм к обладателям исключительных интеллектуальных прав.

Следует отметить, что, в отличие от Российской Федерации, положения антимонопольного законодательства Евросоюза, США и ряда других стран допускают его применение к действиям и соглашениям с участием обладателей исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации в случае нарушения правообладателями антимонопольных предписаний. Другое дело, что складывающаяся в настоящее время в России правоприменительная практика фактически идет по пути ограничения антимонопольных иммунитетов, несмотря на их законодательное закрепление. Достаточно ярким примером в этом отношении являлось судебное разбирательство под общим названием «антимонопольный орган и компания “Яндекс” против группы компаний “Гугл”»⁷. В данном деле суд, поддержав позицию антимонопольного органа, посчитал действия группы компаний «Гугл», выразившиеся в заключении лицензионных соглашений с производителями мобильных устройств на установку магазина приложений *Google Play*, монополистической деятельностью, а аргументы компаний о неприменении антимонопольного законодательства к заключенным ею соглашениям в силу ч. 4 ст. 10 Федерального закона «О защите конкуренции» счел необоснованными. Вместе с тем при наличии прямо предусмотренных антимонопольным законодательством изъятий из сферы норм о монополистической деятельности применительно к дейст-

виям и соглашениям в отношении интеллектуальных прав без каких-либо исключений, оценка действий группы компаний «Гугл» по распоряжению исключительным правом в отношении магазина приложений в качестве злоупотребления доминирующим положением выглядит очень спорно⁸.

В настоящее время антимонопольный орган всё более активно рассматривает вопросы, касающиеся соблюдения антимонопольного законодательства цифровыми компаниями. Так, по одному из дел известная рекрутинговая компания ООО «Хэдхантер» была признана нарушившей норму о недопустимости монополистической деятельности в связи с тем, что в принятых ею условиях использования созданного компанией сайта для размещения информации о вакансиях и поиска кандидатов на освободившиеся вакансии *hh.ru* и договоре на оказание соответствующих услуг устанавливался запрет на использование пользователями стороннего программного обеспечения при работе с сайтом, а также осуществлялась блокировка субъектов, использующих такое программное обеспечение. В ответ на аргументы компании о неприменимости ст. 10 Федерального закона «О защите конкуренции» к действиям компании по предоставлению доступа к информационной платформе в силу наличия установленных ч. 4 этой нормы антимонопольных иммунитетов антимонопольным органом было указано, что подобные действия выходят за пределы осуществления исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, связанные с сайтом *hh.ru*, так как эти права не могут распространяться на стороннее программное обеспечение, не относящееся к объектам исключительного права ООО «Хэдхантер». Соответственно, вопросы взаимоотношений участника договора с ООО «Хэдхантер» с каким-либо иным правообладателем, касающиеся использования того или иного программного обеспечения в отношении ресурсов ООО «Хэдхантер», будут выходить за пределы правоотношений по такому договору⁹.

⁷ Решение арбитражного суда г. Москвы от 15 марта 2016 г. по делу № А40-240628/15-147-1984. URL: <http://sudact.ru/arbitral/doc/eGhllk5Y2i61/> (дата обращения: 21.01.2021).

⁸ В конечном итоге дело завершилось мировым соглашением, по которому группа компаний «Гугл» приняла на себя обязательства по внесению ряда изменений в лицензионные соглашения, направленных на отказ от требований об эксклюзивности установки своих приложений, а также совершению действий, касающихся обеспечения пользователям возможности выбора поисковой системы

«по умолчанию». См., напр.: Мадни Я. Мировое соглашение одобрено: чем закончился двухлетний спор ФАС и Google // РИА Новости. 17.04.2017. URL: <https://ria.ru/economy/20170417/1492436274.html> (дата обращения: 21.01.2021).

⁹ Решение Федеральной антимонопольной службы о нарушении антимонопольного законодательства по делу № 11/01/10-9/2019 от 23 января 2020 г. URL: <https://br.fas.gov.ru/ca/upravlenie-regulirovaniya-svyazi-i->

В целом позиция антимонопольного органа применительно к деятельности компаний – агрегаторов цифровых платформ состоит в том, что подобная деятельность рассматривается как оказание услуг по обеспечению информационного взаимодействия определенных субъектов в зависимости от профиля соответствующей платформы¹⁰. Несмотря на относительно небольшую судебную практику, касающуюся оценки соглашений, заключаемых владельцами интернет-платформ со своими клиентами, такая практика всё же имеется. В настоящее время подобные соглашения квалифицируются прежде всего как агентские договоры¹¹ либо смешанные договоры, содержащие положения лицензионного соглашения и договора об оказании услуг¹². В юридической литературе также предлагается рассматривать отношения, складывающиеся между компаниями – операторами платформ и лицами, пользующимися их ресурсами, через призму договора об оказании услуг либо агентского договора [24, с. 5; 25].

Вместе с тем представляется, что оказание цифровыми компаниями услуг, в том числе агентского характера, опосредующих доступ какого-либо субъекта к цифровой платформе, является правовой формой поведения правообладателя соответствующего результата интеллектуальной деятельности, которое, с содержательной точки зрения, представляет собой использование такого результата либо распоряжение исключительным правом в отношении него. Подобный вывод вытекает из того, что в соответствии со ст. 1229 и 1270 ГК РФ правообладатель может использовать свое произведение в любой форме и любым не противоречащим закону способом, а также по своему усмотрению разрешать или запрещать другим лицам использование такого произведения.

Данные нормы не содержат какого-либо закрытого перечня возможных способов использования того или иного результата интеллектуальной деятельности. Под использованием произведения в юридической литературе обычно понимается придание результату творчества формы, пригодной или удобной для непосредственного потребления и приспособленной к пуску в экономический оборот.

Право использования рассматривается как возможность правообладателя монопольно совершать действия по коммерческой эксплуатации объекта, приносящие имущественные выгоды, и запрещать всем третьим лицам совершать такие действия без разрешения правообладателя [26, с. 48].

В связи с этим представляется, что к действиям по осуществлению исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации, в отношении которых предусмотрены антимонопольные иммунитеты, могут относиться самые различные устанавливаемые правообладателем условия доступа пользователей к таким результатам, в том числе и запрет на использование тех или иных программных средств при работе с этими результатами интеллектуальной деятельности, за исключением случаев предусмотренного законодательством свободного использования соответствующих произведений. В самом деле, если то или иное действие компании-агрегатора либо соглашение об условиях доступа к информационной платформе не рассматривается правоприменительным органом в качестве лицензионного договора, т. е. не квалифицируется в качестве акта распоряжения результатом интеллектуальной деятельности, а рассматривается как оказание определенной услуги или, иначе говоря, предоставление такого результата для его потребления, то это не значит, что подобные действия со стороны правообладателя не охватываются понятием использования данного результата. В противном случае необходимо было бы предположить существование некоего дополнительного правомочия обладателя результата интеллектуальной деятельности, помимо использования такого результата либо распоряжения им. Однако действующее законодательство не дает оснований для подобных предположений.

Стоит отметить, что российским антимонопольным ведомством предпринимались неоднократные попытки адаптации антимонопольного законодательства к особенностям деятельности хозяйствующих субъектов в условиях цифровой экономики. Так, им был подготовлен законопроект, получивший название «пятого антимонопольного пакета», в об-

informaticsnyh-tehnologiy/8e4961ce-3f9c-4b37-9f4b-b2804deec88/ (дата обращения: 21.01.2021).

¹⁰ См., напр.: Рекомендации Экспертного совета при ФАС России по развитию конкуренции в области информационных технологий и Экспертного совета ФАС России по развитию конкуренции в сфере розничной торговли «О практиках в сфере использования информационных техноло-

гий в торговле, в том числе связанных с использованием ценовых алгоритмов». URL: <https://fas.gov.ru/documents/684828> (дата обращения: 21.01.2021).

¹¹ Определение Верховного Суда РФ от 9 января 2018 г. № 5 - КГ17- 200 // СПС «Гарант».

¹² Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 6 марта 2015 г. № 09АП-2062/15 // СПС «Гарант».

суждении которого принимали активное участие государственные органы и юридическая общественность (см., напр.: [27–29]). Впоследствии законопроект был внесен в Государственную Думу¹³. В данном законопроекте среди прочего предпринимается попытка распространить нормы о доминирующем положении на субъектов, владеющих программами для ЭВМ и занимающих более 35 % рынка услуг, оказываемых с использованием таких программ, вводится понятие сетевого эффекта, а также предлагается считать ничтожными любые сделки, связанные с нарушением запрета владения, управления либо контроля иностранными субъектами более чем 20 % долей (акций) в уставном капитале лица, являющегося участником так называемого значимого хозяйствующего субъекта, владеющего программой для ЭВМ. Несмотря на достаточно большое число замечаний, высказанных в ходе экспертной оценки и на различных этапах обсуждения законопроекта, связанных, в частности, с недостаточным обоснованием необходимости тех или иных предлагаемых нововведений, использованием юридически неопределенных, а иногда и не соответствующих действующим нормам формулировок, следует признать, что законотворческая работа по совершенствованию антимонопольного законодательства с учетом новых цифровых реалий является важным элементом государственной политики по развитию конкуренции.

5. Выводы

Таким образом, в настоящее время можно вести речь о появлении новых критериев определения доминирующего положения цифровых компаний на соответствующих рынках, к числу которых относятся сетевые эффекты, большие пользовательские данные и значительные барьеры входа на рынок. Имеющаяся правоприменительная практика свидетельствует о стремлении операторов крупных цифровых платформ использовать свои технологические и информационные ресурсы для усиления собственной рыночной власти, что в ряде случаев влечет за собой ограничение конкуренции.

Кроме того, приведенные в настоящей работе рассуждения относительно российского законодательства дают основание полагать, что действия компаний, направленные на обеспечение доступа потребителей или субъектов предпринимательской деятельности к информации, содержащейся в базе данных созданной ими цифровой платформы, под-

падают под антимонопольные иммунитеты, а сложившаяся в настоящее время правоприменительная практика, направленная на фактическое ограничение существующих изъятий из антимонопольного законодательства, установленных для обладателей интеллектуальных прав, в том числе компаний, обладающих интернет-платформами, вряд ли может быть признана соответствующей буквальному содержанию норм этого законодательства. Вместе с тем и наличие в законодательстве широких антимонопольных иммунитетов также не является оправданным, поскольку может способствовать злоупотреблению правообладателями соответствующими правами, создавать препятствия для развития цифровой экономики.

Для устранения подобной ситуации возможно предложить внести изменения в ч. 4 ст. 10 и ч. 9 ст. 11 Федерального закона «О защите конкуренции», сохранив антимонопольные иммунитеты, но дополнив соответствующие нормы положением, допускающим применение установленных антимонопольным законодательством запретов к обладателям исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации в тех случаях, когда их действиями или соглашениями создается возможность устранить конкуренцию на соответствующем рынке либо в результате подобного поведения правообладателей на других лиц налагаются ограничения, не соответствующие целям таких действий или соглашений.

Цифровизация современной экономики и общественной жизни открывает, по сути, новую страницу в истории антимонопольного регулирования, связанную с необходимостью обеспечения конкурентного развития цифровых компаний и защиты прав лиц, использующих информационные ресурсы. Важность такого регулирования сложно переоценить, поскольку степень проработанности и качество соответствующих нормативных актов будут оказывать серьезное влияние на процессы внедрения цифровых форм общественных связей в экономическую и социальную действительность. При этом то, насколько нормы антимонопольного законодательства смогут учесть постоянно меняющиеся экономические реалии, будет во многом определять эффективность и обоснованность практики применения соответствующих норм.

¹³ Проект Федерального закона № 745967-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» // СПС «КонсультантПлюс».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ермакова Е. П. Правовое регулирование цифрового банкинга в России и зарубежных странах (Европейский Союз, США, КНР) / Е. П. Ермакова, Е. Е. Фролова // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2019. – № 46. – С. 606–625. – DOI: 10.17072/1995-4190-2019-46-606-625.
2. Тихомиров Ю. А. Право как эффективный фактор экономического развития / Ю. А. Тихомиров, Э. В. Та- лапина // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – № 1. – С. 4–26. – DOI: 10.17323/2072-8166.2020.1.4.26.
3. Губин Е. П. Цифровые платформы в Европе, Китае и России: основные подходы и тенденции правового регулирования / Е. П. Губин, Ю. С. Харитоновна // Право и экономика. – 2020. – № 8. – С. 5–13.
4. Касымов Р. Ш. Контроль монополизации в условиях цифровой экономики / Р. Ш. Касымов // Конку- рентное право. – 2019. – № 4. – С. 27–30.
5. Цифровое право : учеб. / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. – М. : Проспект, 2020. – 640 с. – DOI: 10.31085/9785392227297-2020-640.
6. Карцхия А. А. Цифровые технологические (онлайн) платформы: российский и зарубежный опыт регу- лирования / А. А. Карцхия // Гражданское право. – 2019. – № 3. – С. 25–28. – DOI: 10.18572/2070-2140-2019-3-25-28.
7. Белых В. С. Проблемы совершенствования антимонопольного законодательства в условиях цифровой экономики: спорные вопросы теории и практики / В. С. Белых, К. А. Коньков, М. О. Болобонова // Бизнес, менеджмент, право. – 2020. – № 2 (46). – С. 37–41.
8. Лютова О. И. Операторы электронных площадок как участники налоговых отношений цифровой эпохи (на примере налога на профессиональный доход) / О. И. Лютова // Правоприменение. – 2020. – Т. 4. – № 4. – С. 56–67. – DOI: 10.24147/2542-1514.2020.4(4).56-67.
9. Чесалина О. В. Работа посредством интернет-платформ как вызов трудовому правоотношению / О. В. Чесалина // Трудовое право в России и за рубежом. – 2019. – № 1. – С. 12–15.
10. Шуралева С. В. Работники в «облаках»: влияние интернет-платформ на развитие трудовых отноше- ний / С. В. Шуралева // Трудовое право в России и за рубежом. – 2019. – № 1. – С. 15–18.
11. Терещенко Л. К. Государственный контроль в сфере защиты персональных данных / Л. К. Терещенко // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – № 4. – С. 142–161. – DOI: 10.17323/2072-8166.2018.4.142.161.
12. Болобонова М. О. Правовое регулирование оборота данных в деятельности цифровых платформ: спорные вопросы теории и практики / М. О. Болобонова, В. А. Хрупалов // Бизнес, менеджмент, право. – 2020. – № 2. – С. 42–46.
13. Антимонопольное регулирование в цифровую эпоху: как защищать конкуренцию в условиях глоба- лизации и четвертой промышленной революции : моногр. / под ред. А. Ю. Цариковского, А. Ю. Иванова, Е. А. Войниканис. – М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2018. – 311 с. – DOI: 10.17323/978-5-7598-1750-5.
14. Позднякова А. Э. Вопросы конкуренции на рынке социальных сетей / А. Э. Позднякова, Д. А. Котова, Е. В. Семенова // Закон. – 2020. – № 2. – С. 74–85.
15. Ючинсон К. С. Большие данные и законодательство о конкуренции / К. С. Ючинсон // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2017. – № 1. – С. 216–245. – DOI: 10.17323/2072-8166.2017.1.216.245.
16. Авлиярова В. А. Практика признания злоупотребления доминирующим положением на цифровых рынках в США, Германии и России / В. А. Авлиярова // Правовой взгляд : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. – Пенза, 2021. – С. 160–161.
17. Егорова М. А. Особенности нормативного регулирования цифровой экономики и проблемы антимо- нопольного регулирования на цифровых рынках как средство защиты национальных интересов / М. А. Его- рова // Юрист. – 2018. – № 11. – С. 7–10. – DOI: 10.18572/1812-3929-2018-11-7-10.
18. Габов А. В. Цифровая платформа как новое правовое явление / А. В. Габов // Пермский юридический альманах. – 2021. – № 4. – С. 13–82.
19. Городов О. А. О новых формах использования информационных технологий в сфере предпринима- тельства / О. А. Городов // Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях раз-

вития цифровой экономики : моногр. / отв. ред. В. А. Вайпан, М. А. Егорова. – М. : Юстицинформ, 2019. – С. 85–96.

20. Истомин В. Г. Интеллектуальные права и антимонопольное регулирование: оценка допустимости и пределов антимонопольных иммунитетов в контексте обеспечения баланса интересов / В. Г. Истомин // Журнал российского права. – 2019. – № 12. – С. 102–112. – DOI: 10.12737/jrl.2019.12.8.

21. Ворожевич А. С. Антитраст vs Патентные права: почему вмешательство антимонопольной службы повредит инновациям / А. С. Ворожевич // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2018. – № 1. – С. 72–112.

22. Писенко К. А. О законодательных проблемах противодействия монополистической деятельности, связанной с использованием объектов исключительных прав / К. А. Писенко // Конкурентное право. – 2012. – № 1. – С. 29–34.

23. Еременко В. И. Вопросы недобросовестной конкуренции в рамках «четвертого антимонопольного пакета» / В. И. Еременко // Конкурентное право. – 2016. – № 1. – С. 3–12.

24. Дерюгина Т. В. Правовая природа договора, опосредующего возникновение правоотношений с участием агрегатора / Т. В. Дерюгина // Гражданское право. – 2018. – № 6. – С. 3–6. – DOI: 10.18572/2070-2140-2018-6-3-6.

25. Молотников А. Е. Социальные сети и компании-агрегаторы: правовые аспекты деятельности / А. Е. Молотников, Е. В. Архипов // Предпринимательское право. – 2017. – № 4. – С. 38–47.

26. Дозорцев В. А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации : сб. ст. / В. А. Дозорцев. – М. : Статут, 2005. – 416 с.

27. Башлаков-Николаев И. В. Антимонопольное регулирование цифровой экономики в некоторых проектируемых нормах пятого антимонопольного пакета / И. В. Башлаков-Николаев // Право и цифровая экономика. – 2019. – № 1 (03). – С. 25–27. – DOI: 10.17803/2618-8198.2019.03.1.025-027.

28. Иванов А. Ю. Контроль монополизации в условиях цифровой экономики: первая часть дискуссии о пятом антимонопольном пакете / А. Ю. Иванов // Закон. – 2018. – № 2. – С. 106–119.

30. Зайнуллина Э. Р. Пятый антимонопольный пакет: значение, особенности, перспективы / Э. Р. Зайнуллина, С. Ю. Павлов // Наука и образование: новое время. – 2018. – № 4 (27). – С. 142–145.

REFERENCES

1. Ermakova E.P., Frolova E.E. Legal regulation of digital banking in Russia and foreign countries (European Union, USA, PRC). *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Perm University Herald. Juridical Sciences*, 2019, no. 46, pp. 606–625. DOI: 10.17072/1995-4190-2019-46-606-625. (In Russ.).

2. Tihomirov Yu.A., Talapina E.V. Law as an effective factor in economic development. *Pravo. Zhurnal Vysheishskoy ekonomiki*, 2020, no. 1, pp. 4–26. DOI: 10.17323/2072-8166.2020.1.4.26. (In Russ.).

3. Gubin E.P., Kharitonova Yu.S. Digital platforms in Europe, China and Russia: main approaches and trends in legal regulation. *Pravo i ekonomika*, 2020, no. 8, pp. 5–13. (In Russ.).

4. Kasymov R.Sh. Control over monopolization in the digital economy conditions. *Konkurentnoe pravo*, 2019, no. 4, pp. 27–30. (In Russ.).

5. Blazheev V.V., Egorova M.A. (eds.). *Digital law*, Textbook. Moscow, Prospekt Publ., 2020. 640 p. DOI: 10.31085/9785392227297-2020-640. (In Russ.).

6. Kartskhiya A.A. Digital technological (online) platforms: Russian and foreign regulation experience. *Grazhdanskoe pravo*, 2019, no. 3, pp. 25–28. DOI: 10.18572/2070-2140-2019-3-25-28. (In Russ.).

7. Belykh V.S., Konkov K.A., Bolobonova M.O. Problems of improving antitrust legislation in the digital economy: controversial issues of theory and practice. *Biznes, menedzhment, pravo*, 2020, no. 2 (46), pp. 37–41. (In Russ.).

8. Lyutova O.I. Electronic platform operators as participants of tax relations in the digital era (the case of professional income tax). *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2020, vol. 4, no. 4, pp. 56–67. DOI: 10.24147/2542-1514.2020.4(4).56-67. (In Russ.).

9. Chesalina O.V. Work through Internet platforms as a challenge to labor relations. *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom = Labor law in Russia and abroad*, 2019, no. 1, pp. 12–15. (In Russ.).

10. Shuraleva S.V. Workers in the «clouds»: the impact of Internet platforms on the development of labor relations. *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom = Labor law in Russia and abroad*, 2019, no. 1, pp. 15–18. (In Russ.).
11. Tereshchenko L.K. State control in personal data protection. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, 2018, no. 4, pp. 142–161. DOI: 10.17323/2072-8166.2018.4.142.161. (In Russ.).
12. Bolobonova M.O., Khrupalov V.A. Legal regulation of data circulation in the activities of digital platforms: controversial issues of theory and practice. *Biznes, menedzhment, pravo*, 2020, no. 2, pp. 42–46. (In Russ.).
13. Tsarikovskii A.Yu., Ivanov A.Yu., Voinikanis E.A. (eds.). *Antitrust regulation in the digital age: how to protect competition in the face of globalization and the fourth industrial revolution*, Monograph. Moscow, HSE Publ., 2018. 311 p. DOI: 10.17323/978-5-7598-1750-5. (In Russ.).
14. Pozdnyakova A.E., Kotova D.A., Semenova E.V. Competition on the social network market. *Zakon*, 2020, no. 2, pp. 74–85. (In Russ.).
15. Yuchinson K.S. Big data and legislation on competition. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, 2017, no. 1, pp. 216–245. DOI: 10.17323/2072-8166.2017.1.216.245. (In Russ.).
16. Avliyarova V.A. The practice of recognizing abuse of dominant position in digital markets in the USA, Germany and Russia, in: *Pravovoi vzglyad*, proceedings of the International Scientific and Practical Conference, May 30, 2021, Penza, 2021, pp. 160–161. (In Russ.).
17. Egorova M.A. Peculiarities of the statutory regulation of the digital economy and issues of the antimonopoly regulation in digital markets as a national interest protection means. *Yurist*, 2018, no. 11, pp. 7–10. DOI: 10.18572/1812-3929-2018-11-7-10. (In Russ.).
18. Gabov A.V. Digital platform as a new legal phenomenon. *Permskii yuridicheskii al'manakh*, 2021, no. 4, pp. 13–82. (In Russ.).
19. Gorodov O.A. On new forms of use of information technologies in the field of entrepreneurship, in: Vaipan V.A., Egorova M.A. (eds.). *Pravovoe regulirovanie ekonomicheskikh otnoshenii v sovremennykh usloviyakh razvitiya tsifrovoy ekonomiki*, Moscow, Yustitsinform Publ., 2019, pp. 85–96. (In Russ.).
20. Istomin V.G. Intellectual rights and antitrust regulation: assessment of the admissibility and limits of anti-trust immunities in the context of balancing interests. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2019, no. 12, pp. 102–112. DOI: 10.12737/jrl.2019.12.8. (In Russ.).
21. Vorozhevich A.S. Antitrust vs patent rights: why the interference of the antimonopoly service will affect innovations. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii*, 2018, no. 1, pp. 72–112. (In Russ.).
22. Pisenko K.A. On legislative problems of countering monopolistic activities related to the use of objects of exclusive rights. *Konkurentnoe pravo*, 2012, no. 1, pp. 29–34. (In Russ.).
23. Eremenko V.I. Issues of unfair competition in the framework of «the fourth antimonopoly package». *Konkurentnoe pravo*, 2016, no. 1, pp. 3–12. (In Russ.).
24. Deryugina T.V. The legal nature of an agreement mediating origination of legal relationships involving an aggregator. *Grazhdanskoe pravo*, 2018, no. 6, pp. 3–6. DOI: 10.18572/2070-2140-2018-6-3-6. (In Russ.).
25. Molotnikov A.E., Arkhipov E.V. Social networks and aggregators: legal aspects of operations. *Predprinimatel'skoe pravo*, 2017, no. 4, pp. 38–47. (In Russ.).
26. Dozortsev V.A. *Intellectual Rights: Concept. System. Codification tasks*, Collection of articles. Moscow, Statut Publ., 2005. 416 p. (In Russ.).
27. Bashlakov-Nikolayev I.V. To the issue of anti-monopoly regulation of digital economy and of certain elaborated regulations regarding the fifth antimonopoly package. *Pravo i tsifrovaya ekonomika = Law and digital economy*, 2019, no. 1, pp. 25–27. DOI: 10.17803/2618-8198.2019.03.1.025-027. (In Russ.).
28. Ivanov A.Yu. Merger review in the digital age: episode one in discussions on the fifth competition law reform package. *Zakon*, 2018, no. 2, pp. 106–119. (In Russ.).
29. Zaynullina E.R., Pavlov S.Yu. Fifth antimonopoly package: significance, features, prospects. *Nauka i obrazovanie: novoe vremya*, 2018, no. 4 (27), pp. 142–145. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Истомин Валерий Геннадиевич – кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела права

Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук

620108, Россия, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16

E-mail: 5555VS@rambler.ru

SPIN-код РИНЦ: 1070-1423

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Valery G. Istomin – PhD in Law, Associate Professor; Senior Researcher, Department of Law

Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

16, Sof'i Kovalevskoi ul., Yekaterinburg, 620108, Russia

E-mail: 5555VS@rambler.ru

RSCI SPIN-code: 1070-1423

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Истомин В.Г. Антимонопольное регулирование деятельности цифровых компаний и функционирования интернет-платформ в России и Европейском Союзе / В.Г. Истомин // Правоприменение. – 2022. – Т. 6, № 2. – С. 120–133. – DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(2).120-133.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Istomin V.G. Antimonopoly regulation of the activities of digital companies and the operation of Internet platforms in Russia and in the European Union. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2022, vol. 6, no. 2, pp. 120–133. DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(2).120-133. (In Russ.).